

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Зайдес Кристины Денисовны на тему:
«Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 10.02.01 – Русский язык

Поворот в исследованиях русского языка от письменной речи к устной произошел сравнительно недавно и оказался лингвистическим Клондайком. В то время как в мире сталкивались европейский и заокеанский подходы к анализу дискурса и конверсации, а наличие свежего материала устной речи превратилось в фундаментальное условие составления почти любой грамматики, в России пытались применить собственные наработки к трактовке записей, которых было ничтожно мало, а звуковые исходники часто были потеряны. Придя позже к необходимости осмыслиения данного феномена, российские лингвисты создали уникальные корпуса звучащей речи, позволившие им раскрыть секреты обыденного общения на таком высоком уровне, который был непредставим несколько десятилетий тому назад. Продолжая эту славную традицию, диссидентка вносит в науку существенный вклад, систематизируя явления, до сих пор мало изучавшиеся, хотя и весьма частотные. Значение каждой из таких работ трудно переоценить, хотя они и являются фрагментами мощной программы исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Тут стоит говорить об актуальности целого научного раздела, перестраивающего и наши идеи о сути языка, и практику применения полученных данных в жизни, на всех уровнях коммуникации.

С первой страницы своей диссертации Кристина Денисовна делает важнейшее предположение: как выглядело бы описание русского языка, если бы мы только сейчас начали изучать его – скажем, методами полевой лингвистики? К каким выводам мы смогли бы прийти, как охарактеризовали бы его, пользуясь современным научным подходом и найденной теоретической рамкой? Еще раз подчеркну, что в мировой лингвистике подкрепление положений о языке реальными записями давно стало нормой рассуждений. Полифункциональность прагматических маркеров, возможно, является самым сложным препятствием при расшифровке звучащей речи, потому что сферу их воздействия очень трудно очертить и проинтерпретировать. Отобрать прагматические маркеры предикативного типа тоже не так просто, и метод сплошной выборки выглядит убедительно. Перед исследователем открывается огромное поле материала, который следует «прочесать» по теоретически отобранным критериям. В данном случае это были синтаксис и функции выделенных единиц.

Диссертация выстроена логично и последовательно, ее содержание отражено во внушительном количестве публикаций и докладывалось на множестве конференций. Теоретическая часть выглядит как готовый учебник по устной речи. Единственное, что можно было бы добавить, – это обсуждаемая в последнее время гибридная устно-письменная речь типа чатов и обмена голосовыми сообщениями. В устном подкорпусе НКРЯ есть также и Хельсинкский корпус записей речи петербуржцев начала 90-х гг. Возможно, если данный текст когда-нибудь станет учебником (а его очень не хватает), стоит включить в него раздел о функциональной pragmatике, о тексте в соотношении с дискурсом, и о разведении разных способов понимания первичности и вторичности (которые, в свою очередь, в значительной степени опираются на идеи советских ученых, труды которых уже рассмотрены в работе). Хочется подчеркнуть, что глубокая теоретическая проработка проблемы имеет самостоятельное практическое значение, и очень хочется, чтобы этот материал стал доступен студентам лингвистических специальностей.

Прагматические маркеры в итоге, вслед за Н.В. Богдановой-Бегларян, считаются особой приметой устной речи, утрачиваются или ослабляются лексическое и грамматическое значение, повторяются на протяжении небольших отрезков речи и взаимозаменяются в разных контекстах. Они имеют функции хезитативов, рефлексивов, метакоммуникативов, ксенопоказателей, поддерживают семантику полнозначных слов, маркируют границы текста или его тематических блоков и выполняют некоторые другие задачи. Интересен также раздел о прагматикализации – явлении, которому, как и собственно pragmatике, до сих пор уделялось мало внимания в российской лингвистике. Еще один существенный для работы термин – предикативность, понимаемый прежде всего по В.В. Виноградову.

Стоит отметить редкий случай балансировки корпусов по социологическим, психологическим и психолингвистическим параметрам, которая открывает широкие возможности для сопоставления. Надо думать, что диссертанка не сама решала, какие нейропсихологические тесты отобрать, какие характеристики учитывать, а опиралась на рекомендации экспертов, и тут наши сомнения и возражения были бы неуместными. Кроме того, монологическая и диалогическая речь в подкорпусах выровнены по объему.

В итоге отобрано 12 основных ПМПТ: *говорит/говорю; скажем (так)/(так) скажем; или как его/её/их (называют); или как это (называется); как его/её/их (называют); как это ((можно) сказать/называется); короче (говоря); собственно (говоря); (ты/вы) знаешь/те, понимаешь/те, видишь/те и под.; что ещё ((можно) сказать); (я) (не) думаю (что); (я) не знаю*. Предполагается, что список может быть продолжен. В качестве принципа выделения названы такие признаки, как присутствие

глагольного/предикативного компонента, внешне напоминающая предложение структура, вставной характер, фиксированность глагольных форм. Показано, что признаки проявляются в разной степени (вводимые выражения могут удлиняться и сокращаться) – т.е. они вариативны, и что цепочки ПМПТ могут наращиваться.

Квантификация материала осуществлялась на основе таких параметров, как пол, возраст, профессиональная принадлежность, уровень речевой компетенции и психотип (т.е. психологические характеристики) говорящего. Данные сортировали также в связи с тем, идет ли речь о монологе или диалоге. Исследование проводилось в пять этапов, каждый из которых представлен систематически. Это выделение и тегирование маркеров, их синтаксический анализ (состав, реализация, позиции, совместная встречаемость, свойства), синтаксическая классификация, шкала прагматикализации, частотность употребления по типам и формам речи, корреляция с характеристиками говорящего.

Один момент, как мне показалось, требует уточнения. На с. 142 речь идет о метакоммуникативных функциях и отмечается, что в них входят «привлечение и удержание внимания собеседника, проверка общности понимания слов и выражений коммуникантами, (общность их коммуникативного поля), улучшение условий коммуникативной ситуации, гладкость речевого акта и реализация коммуникативных намерений говорящего. Кроме того, метакоммуникативная функция прагматических маркеров выражается в их способности относиться к метауровню коммуникации – уровню, на котором происходит не обмен смыслами, а обеспечение взаимопонимания между коммуникантами». Тут можно было бы возразить, что этому же служат почти все употребляемые собеседниками слова, но это, так сказать, благие намерения, поскольку одновременно никакие из них до конца этого своего назначения не выполняют.

Как человеку, привыкшему к дискурс-анализу и конверсационному анализу, мне было странно видеть, что автор диссертации почти не пользуется приемом перефразирования, истолкования, который позволяет лучше разобраться в специфике изучаемых единиц. Кристина Денисовна Зайдес не пытается работать над поисками семантических инвариантов изучаемых прагматических маркеров. Вероятно, не все носители языка, а тем более те, для кого он неродной, в состоянии увидеть все подразумеваемые значения, вкладываемые говорящим и интерпретатором в анализируемые предложения. С моей точки зрения, при перефразировании удается уточнить семантику высказывания и выявить прагматическую составляющую значения. В то же время формальная и количественная оценка материала выполнены достаточно подробно. Отсюда мой вопрос: почему это так? Это не представлялось перспективным, не было нужно, не соответствовало целям исследования или еще каким-то установкам?

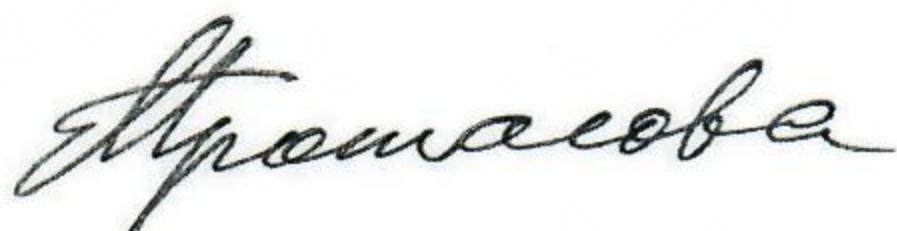
Второй вопрос касается воздействия пропусков, неполноты маркеров. Для чего, с точки зрения диссертанта, это нужно? Шкала и путь прагматикализации понятны, но всегда ли сокращения ведут к усилению функциональной нагрузки? Что здесь от устного характера речи, а что от прагматики?

Третий вопрос связан с интерпретацией частотности выявленных маркеров. Вы объясняете все моменты, за исключением уровня речевой компетенции, перед которым, так сказать, пасуете, возможно потому, что она отчасти пересекается с другими характеристиками. О чем же частотность свидетельствует в целом – о естественности и спонтанности? Могут ли они достигаться без ПМПТ?

В заключение хочется отметить, что рецензируемое диссертационное исследование представляет собой огромный шаг вперед в изучении устной речи, демонстрирует очень много находок в этой сфере, использует красивые цитаты и примеры и позволяет выйти на обсуждение актуальнейших вопросов речевой коммуникации.

Диссертация Кристины Денисовны Зайдес на тему: «Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Зайдес Кристина Денисовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык. Пункт 11 указанного Порядка диссидентом не нарушен.

Член диссертационного совета,
доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт
Отделения языков Хельсинкского университета, Финляндия

Протасова Екатерина Юрьевна
28.01.2021